

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 12-го Октября 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9510.

ИНСТИНКТЪ.

(Переводъ съ французскаго).

Глубокой ночью лакей разбудилъ меня, доложивъ:

— Господинъ Де-Мортси!

Господинъ Де-Мортси былъ моимъ постояннымъ клиентомъ. Очень недавно я оказалъ ему помощь и перевязалъ ему раны, происхожденіе которыхъ было весьма трагично.

Де-Мортси, путешествуя вмѣстѣ со своей восемнадцатилѣтней дочерью, по Востоку, подвергся однажды нападенію вооруженной шайки разбойниковъ. Банда эта, наводя страхъ на всю деревню, поздно ночью окружила и тотъ домъ, въ которомъ нашли пріютъ усталые иностранцы. Никакія просьбы и угрозы, ни иностранное происхожденіе не спасло отца и дочь отъ нападенія...

Де-Мортси и его дочь были жестоко избиты одними изъ первыхъ, и когда бандиты, предосторожности ради, поспѣшили удалиться, отецъ съ дочерью остались еле живы... Немедленно возникъ дипломатическій конфліктъ...

А де-Мортси, послѣ немедленно полученной первой скорой помощи, оставилъ больную дочь на попеченіи своей родственницы въ г. Ниццѣ, поспѣшилъ въ г. Парижъ, чтобы по свѣжимъ слѣдамъ продолжать это дѣло и закончить свое леченіе...

Несмотря на поздній часъ, я поспѣшилъ послѣдовать за господиномъ Де-Мортси, такъ какъ понималъ, что только событие чрезвычайной важности могло вызвать его столь поздній приходъ...

— Извините меня, что я позволилъ себѣ обезпокоить васъ въ такой поздній часъ, сказалъ Де-Мортси. Но нельзя терять ни минуты, такъ какъ дѣло касается родовъ.

Де-Мортси былъ взволнованъ, и поэтому я не могъ удержаться, чтобы не переспросить:

— У васъ?...

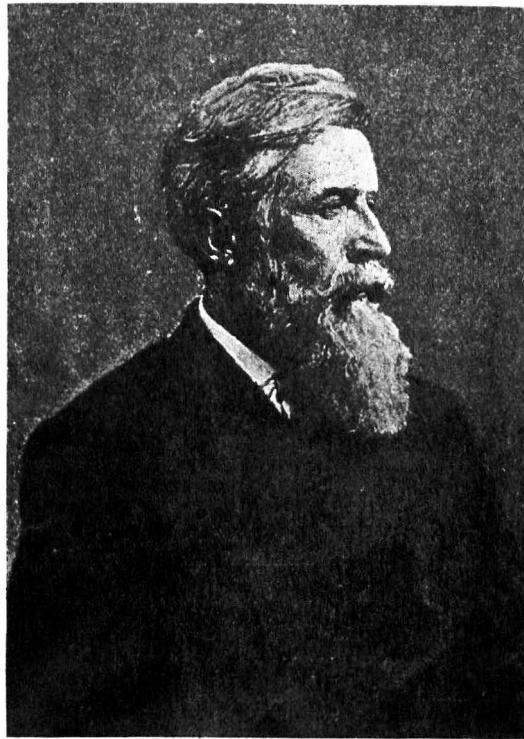
— Да, у меня!...

Мы сошли. Де-Мортси сообщилъ кучеру, который его подвезъ, адресъ небольшой гостиницы, въ которой онъ поселился въ Пасси. Уже въ каретѣ, какъ бы ожидая того момента, когда онъ будетъ увѣренъ, что его никто не подслушаетъ, онъ прибавилъ:

— Это у моей дочери. Въ ту злополучную ночь нападенія на насъ...

Я замолчалъ, пораженный.

— Вы, вѣдь, знаете,—объяснялъ мнѣ Де-Мортси... что во время ужаснаго нападенія, которому мы подверглись, я былъ поднятъ въ безсознательномъ состояніи, и вслѣдствіе этого совершиенно не зналъ о нѣкоторыхъ подробнотяхъ преступленія, которое разыгрывалось вокругъ меня. Моя бѣдная дочь находилась тогда также въ полномъ забытьи. Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Ниццѣ, появились первые симптомы беременности, моя дочь приняла ихъ за осложненія послѣдствія полученныхъ ею

А. Свентоховскій.
недавно умершій польскій писатель.

ранъ. Но спустя нѣкоторое время ужасные симптомы начали яснѣе обозначаться, и стыдливость и ужасъ такого невѣроятнаго факта лишили ее здраваго смысла... Она отказывалась вѣрить даже самой себѣ... Такъ, что когда она, наконецъ, рѣшилась оповѣстить меня и раскрыть ужасное положеніе вещей, было уже слишкомъ поздно.

— Слишкомъ поздно? спросилъ я.

— Да, поздно... подтвердилъ Де-Мортси.

И вдругъ, оживляясь, прибавилъ:

— Ужели вы могли предположить, что я, узнавъ объ этомъ во время, допустилъ бы совершившись такой ужасной гнусности? Вѣдь, каждому дозволяется лечить свои раны, какъ ему угодно, и почему же моей дочери было бы запрещено освободиться отъ такого грязнаго пятна. Какой законъ, какая мораль могла бы требовать подобнаго героизма, могла бы приготовить ее вѣчно страдать; могла бы сдѣлать ее жертвой...—что я говорю жертвой?..—сдѣлать ее даже соучастницей самого преступленія, такъ сильно компрометтирующаго ее... Какъ бы не такъ!.. Это дитя, это чудовище надо, подобно кинжалу, застрявшему въ ранѣ, немедленно удалить... Больше ничего не остается дѣлать.

Такъ какъ я молчалъ, то Де-Мортси продолжалъ:

— Но какъ-бы вы поступили сами, докторъ, если-бы дитя могло послужить причиной смерти матери? Развѣ вы не прибѣгли бы къ какимъ-нибудь искусственнымъ мѣрамъ? А въ особенности, когда дитя, какъ въ данномъ случаѣ, можетъ быть причиной не только смерти матери, но и причиной ея нравственныхъ страданій?

Я прервалъ Де-Мортси:

— Да, я вполнѣ понимаю ваше не-годованіе, ваше возмущеніе! Все-таки, въ данномъ случаѣ это дѣло индивидуальной совѣсти, и общественная совѣсть никакъ не можетъ соглашаться на уступки... Послѣ этого всякая дѣвушка—мать могла бы стать на такую точку зрѣнія...

— Да, вы правы, согласился Де-Мортси. И, видя, безъ сомнѣнія, мое скрытое беспокойство, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Впрочемъ, я же вамъ сказалъ, что предпринимать что-нибудь было уже слишкомъ поздно. Если ребенокъ будетъ жить, я принужденъ буду принять нѣкоторыя мѣры. Вы понимаете отлично, что я не смогъ его оставить у себя, а тѣмъ болѣе я не могъ бы допустить, чтобы несчастье моей дочери стало достояніемъ общественнаго мнѣнія. Дитя должно исчезнуть!.. Оно будетъ помѣщено въ общественный пріютъ, а затѣмъ, я надѣюсь, что моя дочь соберется съ силами, чтобы забыть все прошлое и начать новую жизнь...

— Мы прибыли...

Я направился сейчасъ-же въ комнату больной, у постели которой бодрствовала родственница, привезшая больную изъ Ниццы.

Какъ только я закончилъ свои изслѣдованія, вошелъ Де-Мортси и спросилъ: нѣтъ-ли какихъ-нибудь осложненій...

— Нѣтъ, никакой опасности не предвидится—сказалъ я.

Одновременно я отвѣтилъ и на другой вопросъ, который онъ не рѣшился мнѣ предложить, но о которомъ я догадывался по выражению его глазъ.

— Онъ будетъ жить.

Де-Мортси опустилъ голову и покинулъ насъ...

— Вамъ, докторъ, все извѣстно, не правда-ли?—спросила меня родственница, вздохнувъ...

— Да, отвѣтилъ я, Де-Мортси меня посвятилъ во все...

Въ это время мадемуазель Де-Мортси вздрогнула и, сильно возбужденная, вся трясясь, открыла свои блуждающіе, суровые глаза и очень невнятно пропотнала:

— Какое дитя? Никакихъ дѣтей здѣсь нѣтъ! Я больная, и только больная, которую вы должны лечить. Лечите меня.—Я страдаю. Удалите причину моихъ страданій...

Начинался бредъ...

Старая сцена оживала отрывками въ ея головѣ, разворачивая въ промежуткахъ кризиса ужасные образы: шумъ, убийство, кровь и пламя.

Со мной все время оставалась только родственница, прислуга отсутствовала; она, повидимому, была намѣренна отослана.

При всей моей профессиональной огрубѣлости, я не могъ отдатьться отъ сильнѣйшаго волненія, меня охватившаго, въ виду этого двойного мученія: морального и физического. Ясно было, что никакая внутренняя сила, никакая надежда не помогли бы пере-

Артисты Харьковской оперы сезона 1908-1909 г.

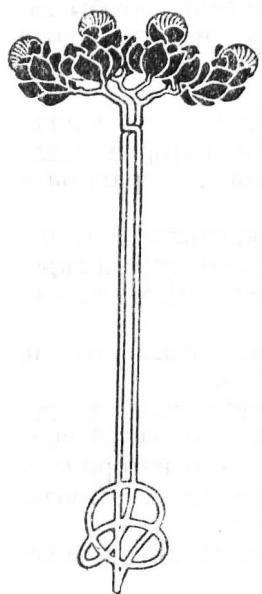
А. Ф. Арцимовичъ.

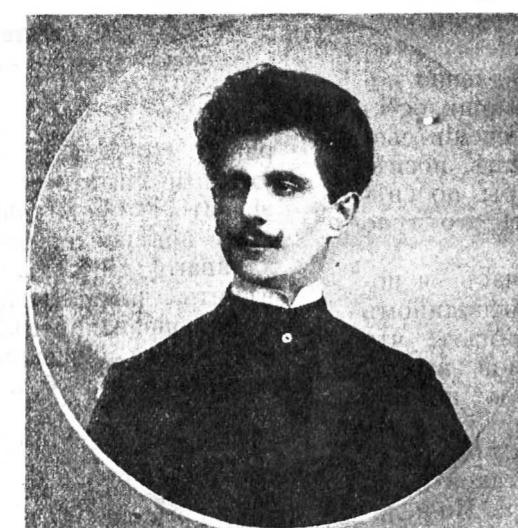
З. С. Рыбчинская.

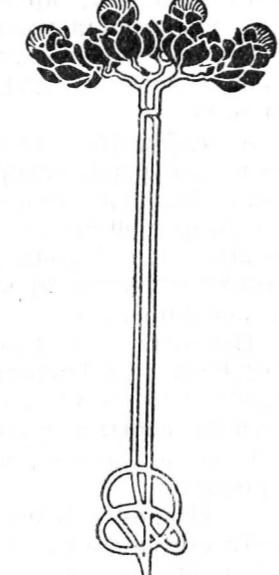
М. М. Энгель-Кронъ.

Я. А. Позень.

А. А. Романовский.

несть такое горе, никакая радость впослѣдствіи не вознаградила бы страдалицу, а материнскій инстинктъ разбился бы объ ужасъ дѣятельности. Я не зналъ, кто изъ трехъ въ данную минуту казался мнѣ болѣе жалкимъ и несчастнымъ: отецъ-ли, погрѣженный несчастіемъ дочери, или молодая невинная дѣвушка, или же это дѣтское, тоже невинное существо, которое уже стучалось въ негостепріимныя двери жизни...

Мое томленіе въ одну минуту достигло страшной силы, въ такую ночь, къ тому еще въ этомъ уединеніи меня охватило искушеніе преступлений!.. Оно мнѣ даже уже такимъ не показалось!. Нѣтъ! То искушеніе не преступлія, а искушеніе доставить другимъ счастье!.. Ахъ, это ужасно—нести на себѣ такую отвѣтственность, быть вѣршителемъ чужой судьбы, почти Богомъ...

Гнѣть еще нѣсколькихъ секундъ—и я легко могъ бы прикончить зарождающуюся жизнь, не вызывавъ полож-

жительно ни у кого ни малѣйшаго подозрѣнія.

Дитя ускользнуло бы отъ того печального существованія, которому оно предназначалось. Будущее г. Де-Морти облегчило бы и прояснилось бы. Дочь Де-Мортси избавлена была бы отъ вѣчнаго гореченія, отъ сознанія, что этотъ кусокъ мяса, эта ужасная часть ея тѣла, это живое существо могло бы быть въ свою очередь также предрасположено къ преступлѣніямъ.

Бредъ какъ будто ослабѣвалъ. Обморокъ прекращался. Я, побуждаемый требованіями внутренней совѣсти, начиналъ колебаться, и прямая моя обязанность, долгъ честный и простой, къ которому все сильнѣе побуждалъ меня внутренній голосъ, наконецъ, одержала верхъ, тѣмъ болѣе, что актъ рожденія быстро приближался...

Я принялъ дитя...

— Мальчикъ,—произнесъ я совсѣмъ тихо, какъ будто бы полъ ребенка имѣлъ въ данномъ случаѣ особенное

значеніе. Крикъ ребенка, почти одновременно раздавшійся, крикъ сильный, могучий и деспотичный, какъ будто свидѣтельствовалъ о большой жизнеспособности его.

Подавленное восклицаніе, почти хриплѣніе г. Де-Мортси, явившагося въ послѣдній моментъ, было отвѣтомъ на этотъ крикъ.

Порывистымъ движеніемъ онъ закрылъ уши руками и закричалъ:

— Унесите его, унесите его!...

Потомъ онъ тяжело опустился на стулъ.

Я же, положивъ дитя на постель, началъ разбираться въ вещахъ, которыя я приготовилъ для первой необходимости.

Когда я повернулся, чтобы взять снова ребенка, я осталъся отъ неожиданности.

Мать неосторожнымъ движеніемъ, въ такое время, когда самая ничтожная неловкость могла оказаться чрезвычайно опасной для ея жизни, наклонилась надъ ребенкомъ и разсмотрѣла

МАЛОРОУССКИЕ АРТИСТЫ въ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

Т. П. Колесниченко.

А. П. Затыркевичъ.

А. М. Вишневецкая.

М. Л. Кропивницкий
въ роли „Тараса Бульбы“.
(съ фот. А. М. Иванцкаго.).

Л. А. Визенбергъ.

вала очень внимательно трепещущее предъ нею существо взглядомъ испуганнымъ и радостнымъ.

Ея взглядъ при моемъ поворотѣ омрачился, она инстинктивно прижала ребенка къ груди и, закрывая его своими плечами, вскрикнула хриплымъ голосомъ и съ страшной озлобленностью въ глазахъ:

— Онъ мой, онъ мой!..

— Не бойтесь, ничего не бойтесь,— сказалъ я.

— Я здѣсь и нахожусь только для того, чтобы помочь и позаботиться о васъ и о немъ...

Но слабость ее уже начинала одолѣвать. Руки ея разжались, она грузно опустилась на подушку, какъ будто новая жизнь, которую она только что дала, должна была взамѣнъ отнять отъ нея собственную ея жизнь!..

Перевязка закончилась. Родственница изъ Ниццы взяла ребенка и унесла его.

В. Е. Грицай.

А. Е. Елисѣева.

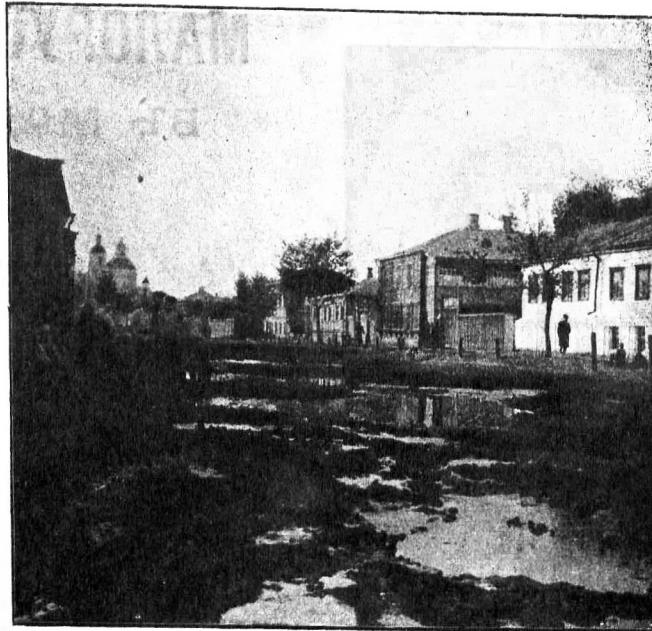

А. Б. Кушнарева.

СМѢСЬ.

Опрометчивое обѣщаніе.

Въ одномъ изъ штатовъ Сѣв. Америки происходило многолюдное предвыборное собраніе. Тысячи избирателей сошлились послушать явившагося представившися имъ кандидата въ члены конгресса. Едва только кандидатъ кончилъ свою рѣчь, какъ со всѣхъ сторонъ на него посыпался градъ всевозможныхъ требованій. Требовали

ИЛЛЮСТРАЦІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГРЯЗІ.

Извозчинъ, завязшій въ грязі на Рыбасовской ул.

Рыбасовская улица по направлению къ Москалевицъ.

(снимки фотографа—любителя А. И. Базилевича.)

разныхъ реформъ, отмѣны десятковъ старыхъ законовъ и проведенія новыхъ, осуществленія такихъ-то и такихъ-то мѣръ, полезныхъ для штата или даже для отдѣльныхъ влиятельныхъ избирателей, и т. д., и т. д. Въ рѣшительныхъ и твердыхъ выраженіяхъ кандидатъ изъявлялъ свою полную готовность добиваться отъ конгресса всего, что только отъ него ни требовали. Собрание уже подходило къ концу, какъ вдругъ какой-то шутникъ зычно крикнулъ:

„Домогайтесь отмѣны обязательныхъ постановлений главы XX Второй книги Моисея!“ Уже уставший кандидатъ, не разобравъ какъ слѣдуетъ фразы, совершенно серьезно отвѣтилъ:

„Другъ мой! Я уже и самъ имѣль въ виду внести это требованіе въ началѣ же сессіи“.

Толпа захочотала, и только тогда неосторожный кандидатъ узналъ отъ предсѣдателя собранія, что сейчасъ пообѣщалъ добиться отмѣны десяти заповѣдей.

Адвокатскіе гонорары въ старину.

Адвокатскіе гонорары не всегда были такими крупными, какъ въ наше время. Когда-то они были очень скромными. По даннымъ, приводимымъ

графомъ д'Авенелемъ въ его специальномъ изслѣдованіи, посвященномъ этому предмету, за выступленіе въ судѣ по несложнымъ дѣламъ французскіе адвокаты получали въ 1300 году 8 франковъ (2—3 рубля), за выступленіе съ „судоговореніемъ“—отъ 4 до 80 рублей. Два адвоката, явившіеся исполнителями завѣщанія архиепископа Реймскаго, получили за свои труды, оба вмѣстѣ, около 85 руб. Въ XV и XVI вѣкахъ адвокатскіе гонорары еще болѣе понизились, съ увеличеніемъ числа адвокатовъ отъ 50 до 400. Въ Парижѣ платили въ эту эпоху за соѣдѣніе адвокату, самое большое—60—80 рублей, а въ провинціи эта цифра спускалась до 5 рублей. Зато въ настоящее время 10 парижскихъ адвокатовъ зарабатываютъ каждый больше 40 тысячъ рублей въ годъ, 15—между 20 и 40 тыс. руб., и 30—до 20 тыс.

Поставщики президента.

Нѣть на свѣтѣ человека, менѣе заботящагося о модѣ, чѣмъ президентъ французской республики, Арманъ Фальеръ. Онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на покрой своего платья. Кромѣ того, Фальеръ такъ же вѣренъ своимъ поставщикамъ, какъ и своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Президентъ республики, являющійся законодательницею всемирной моды, неизмѣнно носить галстуки „Лавальеръ“, изъ синей шелковой матеріи „Сюра“, съ бѣлыми горошинками. Съ 1876 года, когда онъ впервые былъ избранъ депутатомъ въ парламентъ, Арманъ Фальеръ покупаетъ эти галстуки зъ маленькимъ магазиномъ на бульварѣ Сенъ-Мишель. Онъ платитъ за нихъ всего девятнадцать су,—около 35 копѣекъ на наши деньги.

Одинъ магазинъ обуви поставляетъ Фальеру уже двадцать лѣтъ одинаковыя ботинки. Носки у нихъ закругленные, безъ малѣйшей претензіи на подражаніе англійской модѣ, каблуки низкие и очень широкіе. Стоять эти ботинки восемнадцать франковъ за пару. Супруга президента заказываетъ свои ботинки тамъ же и платить за пару всего шестнадцать франковъ (около шести рублей).

Магазинъ обуви предложилъ на дняхъ бесплатно поставлять ежегодно двѣнадцать паръ ботинокъ президенту республики и шесть паръ его супругѣ, съ тѣмъ, чтобы ему было предоставлено написать на вывѣскѣ: „единственный поставщикъ обуви президента французской республики“.

Арманъ Фальеръ, конечно, отказалъ въ этой просьбѣ.

